

Голос затих на самой ноте. Шэнь Фань с лукавой улыбкой приподнял брови и посмотрел на Чу Гэ. Заметив, что тот ответил на взгляд, он прикрылся широким рукавом и опрокинул в рот вино из чаши.

С того ракурса, под которым сидел Чу Гэ, было отлично видно, как после опустошения чаши Шэнь Фань не спешит отводить влажные губы от края, а когда заметил его пристальный взгляд, даже провел по кромке чаши кончиком языка.

Точно так же, как в тот вечер месяц назад...

Рука Чу Гэ под рукавом резко сжалась в кулак, а и без того темные глаза сделались такими глубокими, казалось, они могут затянуть человека на дно.

Чу Гэ ничего не ответил. Остальные трое, даже прекрасно всё понимая, предпочли промолчать, и в комнате на какое-то время воцарилось молчание.

— У меня кое-какие дела, я скоро вернусь.

Чу Гэ через силу напустил на себя мягкую улыбку, поднялся с места и направился во внутренний двор.

Стоило ему выйти из главной гостиной, как лицо его помрачнело. Бросив взгляд на стоявшего рядом слугу, он отдал приказ:

— Тех парней, которых привел Линь Кан, отведите в боковой флигель.

С этими словами он даже не стал смотреть на застывшего в изумлении слугу и с легким раздражением пошел в сторону боковых комнат.

Чу Гэ казалось, что в Шэнь Фань вселился какой-то бесстыдный демон-соблазнитель. Иначе почему после своего возвращения тот вел себя так, будто стремился завладеть его душой? Одно движение, один взгляд — и вот его уже охватывает неукротимая страсть. И пусть лицо Шэнь Фаня едва ли можно было назвать ослепительно прекрасным, но стоило Чу Гэ взглянуть на других юношей, таких же чистых и даже в чем-то похожих, как в нем не оставалось ни малейшего интереса. Перед глазами и в сердце стоял лишь тот единственный человек — то улыбающийся, то сердитый, то живой, то задумчивый. Он словно царапал его сердце острыми кошачьими коготками, лишая сна и покоя, так что месяц разлуки и впрямь ощущался как тяжелая болезнь.

Стоило страстям, которые с таким трудом удавалось умирять долгое время, вновь проснуться сегодня под негласным напором этого маленького демона, как в памяти со всеми подробностями всплыли сладкие воспоминания того вечера, которые с трудом удавалось подавлять последние несколько дней...

Терзаемый самыми смутными мыслями, Чу Гэ дошел до бокового флигеля. Войдя внутрь, он посидел немного, пока один за другим в комнату не вошли те самые молодые люди, похожие друг на друга как братья.

Хмуро окинув их холодным взглядом, Чу Гэ задержал его на юноше в самом центре, который тоже был облачен в темно-черные одежды:

— Ты останешься прислуживать, остальные могут идти.

В то же время в главной гостиной переднего двора У Цзяньань озадаченно спросил Шэнь Фаня:

— Что с тобой в последнее время? С самого прошлого раза ты только и делаешь, что цепляешься к старшему брату! В прошлый раз я решил, что ты просто решил подразнить его из-за той женщины-телохранителя, но теперь ты переходишь границы.

Юэ Ци тоже поддержал его:

— Верно. Старший брат и так слишком многое тебе позволяет. На месте любого из нас ты бы уже отведал горьких плодов.

Шэнь Фань с улыбкой отвел взгляд от места, где скрылся Чу Гэ, и посмотрел на троих собеседников:

— Позволяет? О... И правда. Моя вина, пойду извинюсь перед старшим братом.

Шэнь Фань поднялся с места и направился во внутренний двор вслед за удалившимся Чу Гэ. На его губах застыла насмешливая улыбка.

Чу Гэ и впрямь был готов позволять ему всё... до самой смерти.

Едва переступив порог внутреннего двора, Шэнь Фань сообразил, что понятия не имеет, куда идти дальше. Недолго думая, он перехватил слугу и спросил:

— Куда направился ваш ван? Он велел передать ему кое-что, но я упустил его из виду. Ты не знаешь, где он?

Слуга покачал головой:

— Служанка не знает. Но только что я видела, как один из личных слуг вана повел кого-то в боковой флигель. Господин Шэнь может поискать его там.

— В боковом флигеле? — Шэнь Фань нахмурился. — Веди.

— Тогда прошу за мной, господин Шэнь.

Флигель находился неподалеку, до него было всего несколько шагов.

Приблизившись, они действительно увидели у входа личного слугу Второго принца. Шэнь Фань знаком велел провожатому идти назад, а сам показал слуге, чтобы тот не смел докладывать о его приходе. Слуга попытался преградить ему путь, но Шэнь Фань лишь бросил на него такой взгляд, что тот мгновенно отступил.

Зная, что Второй принц всегда относился к этим господам как к родным братьям, слуга не смел больше произнести ни слова и мог лишь молча смотреть, как Шэнь Фань сам толкает дверь.

Когда створки распахнулись, Шэнь Фань с улыбкой бросил через плечо:

— Прошу прощения, ван, меня так и не научили стучаться перед тем, как войти...

Речь оборвалась на полуслове.

Юноша, лежавший на кушетке без одежды, с испуганным криком бросился в объятия Чу Гэ. Чу Гэ, чьи одежды были наполовину распахнуты, поднял глаза и встретился с ним взглядом. В его глазах мелькнула растерянность, которой он сам никак не ожидал.

Силуэт Шэнь Фаня на пороге замер на долгое мгновение.

Так долго, что Чу Гэ успел отстранить от себя юношу, нахмуриться и, глядя на Шэнь Фаня, уже собирался что-то сказать. Но Шэнь Фань вдруг рассмеялся. Опустив ресницы, он подошел ближе, остановился у кушетки и, протянув руку, легкомысленно приподнял за подбородок испуганного юношу, полулежавшего на краю. И снова тихо рассмеялся:

— А я ведь совсем забыл, разве на ложе Второго принца может не хватать такого ничтожного создания, как я, которое вечно само навязывается в постель...

Лицо Чу Гэ мгновенно переменялось:

— Шэнь Фань.

В этом голосе Шэнь Фаню слышались отголоски тех дней, когда Янь Хуайцзинь отчитывал его за проступки. Однако Шэнь Фань сделал вид, будто ничего не слышал, и, всё так же приподнимая подбородок юноши, повернул его лицо из стороны в сторону, после чего тихо

усмехнулся:

— Раз у старшего брата на ложе есть столь очаровательный спутник, я смогу со спокойной душой отправиться прислуживать Первому принцу. Человек, которого лично выбрал старший брат, полагаю, куда чище меня... Обещаю, впредь я больше не стану мозолить глаза старшему брату.

Договорив, Шэнь Фань не стал задерживаться: убрав руку, он уже собрался повернуться, но не успел сделать и пол-оборота, как разъяренный человек с ложа схватил его за запястье и силой втащил на кровать.

— Я так долго терпел... — Голос Чу Гэ, звучавший у самого его уха, казалось, срывался на скрежет зубов. Грубым движением он принялся облизывать ушную раковину Шэня, а сжавшие оба запястья руки были так сильны, что казалось, будто он сейчас разломает их пополам. — Я ведь вовсе не собирался тебя трогать, Шэнь Фань... Почему же ты вечно норовишь меня соблазнить... Мм, Шэнь Фань?

Боль в сжатых запястьях заставила Шэнь Фаня лишь слегка нахмуриться, но он тут же расслабил лицо, криво усмехнулся и попытался отклониться в сторону, однако другая рука Чу Гэ легла ему на затылок и прижала обратно.

— Вон отсюда, — бросил Чу Гэ юноше, не поворачивая головы. Когда тот юноша, спотыкаясь, выбежал вон, Чу Гэ уже прижал Шэнь Фаня к софы, не оставив ему ни малейшего шанса на спасение, и тогда позволил себе бесцеремонный поцелуй, втягивая в рот те бледно-розовые губы, о которых мечтал весь последний месяц, и принялся яростно и жадно их терзать. Рука, до этого державшая Шэнь Фаня за шею, медленно и чувственно скользнула вниз вдоль его позвоночника:

— Шэнь Фань... Ты можешь принадлежать только мне... Ни у кого, кроме меня, нет права даже прикоснуться к тебе — и Первый принц здесь не исключение!

Говоря это, Чу Гэ выпустил запястье Шэнь Фаня и потянулся к его поясу. Шэнь Фань и сообразить ничего не успел, как с него сорвали верхнее платье и длинные одежды, оставив лишь тончайшую нижнюю сорочку и штаны.

Этот самый внутренний слой легкой ткани почти ничего не скрывал, и полуприкрытая нагота лишь сильнее распаляла Чу Гэ, заставив его глаза покраснеть. Шэнь Фань же в этот момент с улыбкой поднял взгляд и исподлобья посмотрел на него:

— Ваше Высочество, за кого вы принимаете второго молодого господина из Поместья генерала Шэня? За продажного мальчишку? Вам вздумалось — и вы сразу валите меня на кровать? А моего согласия вы спросили?

— Шэнь... Фань...

В этот момент взгляд, которым Чу Гэ смотрел на Шэнь Фаня, был таким, будто он собрался проглотить его живьем, а его зрачки сделались черными и густыми, словно старая, настоявшаяся тушь:

— Даже сейчас ты не забываешь меня соблазнять... Ты вообще знаешь, что такое страх смерти?— Я понятия не имею, — Шэнь Фань подхватил разговор без малейшего напряжения. — Мой старший брат велел мне стерпеть унижения и внедриться к тебе в качестве лазутчика, вот я и пришёл. Но прямо сейчас я пожалел: ты такой нечистоплотный, меня от одного этого воротит... Давай заключим сделку: я буду втайне работать на тебя в поместье генерала и даже при дворе Первого принца, а ты отпустишь меня. Как тебе?

Полусброшенные одежды с треском разлетелись в клочья под его слова. Глаза Чу Гэ покраснели, стоило лишь обнажить это сияющее белизной, гладкое тельце, а голос от охватившего желания сделался хриплым:

— Какое-то поместье генерала или Первый принц — разве они стоят твоей соблазнительной плоти, Шэнь Фань?

Чу Гэ уже собирался податься вперед, как вдруг белое, словно фарфоровое, пальчик уперся ему в грудь. Хозяин этого пальчика закусил нижнюю губу и, широко распахнув глаза, искоса взглянул на него:

— Но Второй принц, даже собравшись купить ночь... еще не назвал цену.

— ... — Чу Гэ глубоко вздохнул, с трудом сдерживая себя, чтобы не взять этого манящего бесстыдника силой. — Последние слова, Шэнь Фань. После того, как ты их произнесешь, я не ручаюсь, что не заезжу тебя на этой постели до смерти.

— Раз уж так, — Шэнь Фань выглядел совершенно не испуганным. — Во-первых, давай поговорим об этом, когда я живым слезу с твоей постели. А во-вторых...

В руке Шэнь Фаня внезапно появился какой-то тонкий предмет. С сияющей улыбкой он посмотрел на тяжело и часто дышавшего мужчину:

— Без защиты не полезешь.

Всё было как в тумане: его прижали к ложу и тиранили целый день. Когда Шэнь Фань снова разлепил глаза, в комнате по-прежнему было светло — вот только наступило уже следующее утро.

Раньше Шэнь Фань искренне полагал, что в этой жизни он вот так и окоцурится на постели этого человека, и даже успел мысленно составить предсмертную записку: договор был успешно подписан, так что уходить из жизни можно без всяких сожалений.

Теперь же, очнувшись, он чувствовал лишь глухое раздражение — эта небывалая выносливость и чрезмерная прыть вообще-то смахивают на диагноз, вы не находите?!

— Очнулся?

Позади кто-то пахнул горячим дыханием ему прямо в ухо.

Шэнь Фань попытался приподняться, но тут же нахмурился:

— ...Вынь это.

Но вместо этого мужчина подался вперед, заставив Шэнь Фаня глухо застонать, а его бледное лицо вновь покрылось ярким румянцем.

— ...Ты был девственником, — тот прижался к самому его уху, а в низком голосе отчетливо слышалось веселье.

— ...

Шэнь Фань чувствовал, как ныло от боли буквально каждое сухожилие и каждая мышца, к тому же к этой беспомощности он совершенно не привык, так что даже натягивать дежурную улыбку ему было лень:

— Первый раз принадлежал тебе, но это вовсе не значит, что так будет каждый раз.

Взгляд Чу Гэ мгновенно ожесточился, в глазах мелькнула мрачная тень, но в следующее мгновение он снова принял прежний вид:

— ...Злишься?

Шэнь Фань приподнял веки и лениво бросил на Чу Гэ косой взгляд. Мгновение спустя в его теле что-то отозвалось.

У Шэнь Фаня подкосились поясница и ноги, но на этот раз он разозлился по-настоящему: — Чу Гэ!

Поняв, что, судя по всему, дошел до предела, Чу Гэ перестал испытывать судьбу и под звуки влажных всплесков отстранился: — Я велел приготовить горячую воду, я отнесу тебя помыться.

Шэнь Фаню было лень спорить, он закрыл глаза и позволил этому человеку поднять себя на руки и унести вглубь покоев.

В просторной, в несколько чжанов шириной купели Шэнь Фань лениво полулежал, прислонившись к Чу Гэ, позволяя его рукам блуждать по своему телу.

Чу Гэ опустил взгляд на прильнувшего к нему человека, и в глубине его глаз то и дело мелькали острые, как клинок, искры. Переборов себя в очередной раз, но так и не найдя

успокоения, он наклонился и припал губами к кончику уха Шэнь Фаня: — Янь Хуайцзинь... кто он в конце концов?

С этими словами тело прижавшегося к нему Шэнь Фаня внезапно напряглось, отчего в глазах Чу Гэ промелькнул ледяной свет.

Шэнь Фань лишь на мгновение задумался, как тут же догадался о причине: — Я снова назвал его имя?

Чу Гэ замер рукой на его теле.

Шэнь Фань закрыл глаза и рассмеялся: — Он — белая луна у моего окна, он — киноварная родинка на моем сердце, он — вся моя неразделенная любовь, сколько ни сложи.

Ощущая, как рука этого человека на его теле сжимается все сильнее, Шэнь Фань продолжал смеяться, подливая масла в огонь: — Первый принц смог заполучить лишь мое тело, но ему не завладеть моим сердцем; а он хоть и завладел моим сердцем, но больше не имеет возможности коснуться меня... Если бы выбирать довелось Первому принцу, что бы ты выбрал?

Сдерживая ярость, Чу Гэ все же не удержался, прижал его к бортику купели и яростно впился в губы: — Я заберу себе всё!

Шэнь Фань рассмеялся еще веселей, а его красивые ключицы так и заманчиво мелькали перед глазами Чу Гэ.

Припав к шее Шэнь Фаня, Чу Гэ отрешенно бормотал: — Если бы в прошлый жизни ты был таким же, я бы признал свое поражение...

— Что? — приподнял брови Шэнь Фань.

— Ничего, — придя в себя, Чу Гэ поднял руку и нежно погладил щеку прильнувшего к нему человека. — Я просто подумал, что ты поистине очаровательный демон, принявший человеческий облик, смотри только, чтобы тебя однажды какой-нибудь даос не изгнал.

Шэнь Фань в конце концов устал, взбодрившись ненадолго, он снова начал клевать носом: — Ох... ну тогда пусть Первый принц сначала заплатит назначенную цену, а уж потом.

Взгляд Чу Гэ слегка потемнел: — Какое условие?

— Ты поможешь мне... как следует проучить моего старшего брата...

Чу Гэ на мгновение замер и лишь спустя пару секунд сообразил: — Шэнь Чжи?

— М-м... Будет лучше, если Первый принц тоже решит, что он предал.

Бросив напоследок эти слова, Шэнь Фань больше не смог сопротивляться и, уткнувшись в плечо Чу Гэ, погрузился в спокойный сон.

Чу Гэ же замер от услышанного.

Если это слово тоже и те три случая ранее были простыми совпадениями, то совпадений получалось слишком уж много.

Прищурившись, Чу Гэ опустил взгляд на человека на своих руках.

Во сне тот походил на ничего не ведающего ребенка, выражение его лица было безмятежным и умиротворенным. Одно лишь созерцание этого успокаивало Чу Гэ, заставляя любые бури в душе утихать.

Всегда найдется такой человек: когда он рядом, пусть даже за городской стеной бушуют сигнальные огни войны и царит смута, ты думаешь про себя — вот оно, спокойствие в этом мире, тихие и добрые времена.

Шэнь Чжи в последнее время ходил хуже тучи.

После падения министра финансов, повлекшего за собой череду поражений Первого принца при дворе, у него появилось какое-то дурное предчувствие.

К счастью, то громкое дело в итоге его не затронуло, и это стало хоть каким-то утешением; однако все последующие поручения Первого принца, большие и малые, сплошь оканчивались провалом.

Вплоть до вчерашнего дня, когда ему было велено устранить одного из чиновников при дворе. План, казалось бы, был подготовлен безупречно, но в самый момент исполнения произошел сбой. Наемные убийцы не только не справились с задачей, но и были схвачены на месте преступления. Говорили, что их уже передали в Далисы для допроса с целью выявить истинного кукловода.

Узнав об этом, Первый принц пришел в ярость. Шэнь Чжи даже чувствовал, что степень доверия к нему со стороны Первого принца тает с каждым днем. Если пустить всё на самотек, то, учитывая всё содеянное им ради Первого принца в прошлом, в конце концов его, возможно, даже не убьют из подозрений, но хорошего конца он точно не дождетя.

Еще больше его пугало то, что если Далисы выбьет из убийцы его имя, то обвинения в покушении на высокопоставленного чиновника хватят, чтобы он умер смертью предателя раз десять, а то и двадцать.

Однако Далисы находилось в тайном ведении Второго принца, и влияние Первого принца туда не проникало, не говоря уже о самом Шэнь Чжи.

Из-за этого Шэнь Чжи метался как на раскаленной сковороде.

Предчувствие вскоре оправдалось: едва он закончил ужинать, как в дом пожаловали судебные чиновники из Далисы и со словами «по высочайшему повелению расследуем дело» забрали его с собой.

Шэнь Чжи успел лишь бросить несколько тревожных взглядов на перепуганного младшего брата, надеясь, что тот все поймет, но сказать больше ему не дали — его напрямую доставили в тюрьму Далисы, где допрашивали преступников.

Стоило оказаться на месте, как сердце Шэнь Чжи ушло в пятки: на столе лежали подписанные обвиняемым показания и их прежняя переписка. Этот человек выполнял его поручения не впервые, и всплывших на свет преступлений было далеко не одно. Оказавшись в безвыходном положении, он совершенно растерялся и даже забыл подумать: раз улики столь неоспоримы, зачем этим людям вообще понадобилось тащить его в пыточную?

Однако тюремные надзиратели быстро дали ответ. По знаку главного чиновника Далисы несколько человек привязали Шэнь Чжи к пыточному столу и, не дав ему опомниться, пустили

в ход орудия пыток.

Изнеженный отпрыск знатного семейства, каким был Шэнь Чжи, разве знал он подобные муки?

Вмиг вся тюрьма огласилась страшными криками и воплями Шэнь Чжи.

Эта безымянная расправа продолжалась целый час, пока Шэнь Чжи не лишился чувств от невыносимой боли.

Когда он вновь открыл глаза, в тусклой камере уже сидел на широком стуле и с улыбкой смотрел на него мужчина —

Второй принц Чу Гэ.

Не успел Шэнь Чжи заговорить первым, как Чу Гэ поднялся и направился к нему. На его лице сияла мягкая, как весенний ветерок, улыбка, но в нынешней обстановке от нее Шэнь Чжи бросило в ледяную дрожь.

— Ты попал в такую беду, а Фань-эр души в тебе не чает, вчера посреди ночи прибежал ко мне с мольбами о помощи.

В глазах Шэнь Чжи мелькнул огонек надежды.

Уголки губ Чу Гэ изогнулись в игнорирующую условности усмешку: — Я пообещал ему спасти тебя, но попросил кое-что взамен. Знаешь, что именно?

Лицо Шэнь Чжи резко изменилось: — Ты...

Чу Гэ уже подошел к нему вплотную. Его улыбка оставалась прежней, но в глубине глаз промелькнуло тяжелое плотское вожделение: — А от Шэнь Фаня и вправду исходит такое упоительное блаженство... Я тиранил его всю ночь, связав по рукам и ногам, поймел его на славу, так что к сегодняшнему утру он охрип — если бы не память о том, что ты все еще сидишь в темнице, я бы ни за что его не отпустил.

— Чу Гэ! —

Если бы не сковывающие его цепи, Шэнь Чжи наверняка бросился бы на Чу Гэ, чтобы разорвать его зубами.

Чу Гэ невозмутимо улыбнулся и неспешно отступил на шаг назад: — Господину Шэню лучше выбирать выражения. Нынче во всей Великой Чу только я один способен вызволить тебя.

Грудь Шэнь Чжи тяжело вздымалась. Лишь спустя долгое время он немного успокоился и холодно произнес: — Чего же хочет Второй принц?

— Хм, это зависит вовсе не от меня, — Чу Гэ постучал себя пальцем по лбу. — Это зависит от тебя, господин Шэнь... Жить ты хочешь или умереть?

Шэнь Чжи промолчал, но в его глазах заметалась паника.

Чу Гэ, конечно же, заметил это и со сдержанной улыбкой посмотрел на него: — Если господин Шэнь напишет собственноручную записку о том, что добровольно пожертвовал Шэнь Фанем ради спасения собственной жизни, поставит подпись и личную печать — я тут же прикажу

тебя освободить, и это покушение на высокопоставленного чиновника вместе со всеми прочими грехами, в которых сознался тот человек, с этой минуты не будут иметь к тебе ни малейшего отношения. Ну а если не напишешь... Что ж, у господина Шэня еще есть возможность испытать на себе все остальные пару десятков видов пыток, что хранятся в этой темнице.

Под конец его слов гнев на лице Шэнь Чжи сменился ужасом, после чего он погрузился в тяжелое молчание.

Чу Гэ не торопил его. Выждав время, за которое успевает сгореть палочка благовоний, он с улыбкой спросил: — Ну так что, господин Шэнь, вы обдумали свое решение?

Десять дней спустя. Поместье Первого принца.

— Что? В тот день Шэнь Чжи утащили в Далисы, а после пыток Чу Гэ лично отпустил его на свободу?

В теплой, уютной зале Первый принц Чу Сюнь испытал сильнейшее потрясение. Сосредоточившись, он помрачнел пуще прежнего: — Почему о столь важных скрытых деталях не доложили раньше?

— Подчиненный и сам услышал об этом лишь сегодня от одного из чиновников Далисы. Говорят, убийца к тому моменту уже во всем сознался, улики были неоспоримы, но Чу Гэ собственной волей выпустил Шэнь Чжи на свободу. На взгляд вашего слуги, здесь кроется какой-то тайный умысел... Ваше Высочество, в последнее время многие наши тайные агенты в ключевых ведомствах при дворе были раскрыты и устранены, не думаете ли вы, что это связано с Шэнь Чжи?

Брови Первого принца грозно сошлись на переносице: — Ты хочешь сказать, что Шэнь Чжи... предал меня и переметнулся к Чу Гэ?!

— У подчиненного нет неопровержимых доказательств, чтобы утверждать наверняка, — поспешно поклонился тот. — Однако, начиная с дела министра финансов, все многочисленные операции и задания, в которых участвовал Шэнь Чжи, неизменно оканчивались крахом. И на этот раз — верная гибель, но его чудом спас именно Чу Гэ. Трудно найти иное объяснение тому, почему Чу Гэ стал бы так усердно возиться с каким-то захудалым Шэнь Чжи, если только тот не предал нас.

Чу Сюнь немного помолчал: — Приведи его ко мне. Предал он или нет — одна проверка все расставит по местам.

— Ответу Вашему Высочеству: с тех пор как три дня назад старый генерал Шэнь вернулся в поместье с супругой, Шэнь Чжи больше не поддерживал с нами связь.

— Так неужели вы не могли сами разыскать его? — раздраженно бросил Чу Сюнь.

— Слушаюсь... Прошу Вашего Высочества гневаться на милость, ваш слуга сейчас же во всем разберется.

Шэнь Чжи вызвали из дома после полудня, а вернулся он лишь ближе к вечеру — бледный, в большой спешке и с видом человека, чей испуг еще не до конца прошел.

<http://bllate.org/book/21680/2236410>